

УДК 81'276.3-055.1/.3:81'27
ББК 81.2-67

**О.А. Алимуратов,
М.А. Каратышова**

**ГЕНДЕРНЫЕ И КОГНИТИВНО-
ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
ПРИНЦИПЫ
КОМПЛИМЕНТАРНОГО
РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ
СОВРЕМЕННОГО
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)¹**

Статья посвящена исследованию гендерно-детерминированных особенностей структуры и содержательного наполнения концепта BEAUTY в англоязычном сознании, а также механизмов вербализации данного концепта коммуникантами противоположных полов средствами современного английского языка. Выявлены наиболее адекватные методики моделирования комплиментарного речевого поведения, рассматриваемого в гендерном аспекте. Исчислены коммуникативно-прагматические стратегии и тактики, используемые наиболее часто в комплиментарном речевом поведении коммуникантов-мужчин и коммуникантов-женщин.

Ключевые слова: *концепт, дискурс, коммуникация, гендер, социальная роль, когнитивная модель, языковая личность, прагматическая стратегия.*

Алимуратов Олег Алимуратович – докт. филол. наук, профессор кафедры западноевропейских языков и культур Пятигорского государственного лингвистического университета; член Российской ассоциации лингвистов-когнитологов

Каратышова Мария Александровна – аспирант кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Пятигорского государственного лингвистического университета, член Российской ассоциации лингвистов-когнитологов
Тел: +7(8793) 32-48-75;
+7(8793) 400-175;
+7(961) 492-95-49
E-mail: alimuole@mail.ru

© Алимуратов О.А.,
Каратышова М.А., 2010 г.

Антропоцентрический подход к анализу языковых и речевых явлений приобрел значительную популярность в современной лингвистической науке. В рамках данного подхода акцентируется понятие языковой личности (ЯЛ) как индивида, обладающего уникальным языковым сознанием и способностью к осуществлению коммуникативных действий. Анализ ментальных процессов ЯЛ на основе исследования закономерностей вербализации концептуальных единиц позволяет приблизиться к решению проблемы человеческого мировосприятия и миропонимания, осознать алгоритмы категоризации, стереотипизации и концептуализации действительности средствами естественных языков, постичь пути и способы репрезентации знания. Категория гендера в значительной мере детерминирует процессы формирования, модификации и вербальной репрезентации языкового сознания ЯЛ. Представляется, что гендерно-детерминированные различия в языковом сознании коммуникантов находят отражение в особенностях структуры и содержания концептов, а значит, и в их *дискурсивной репрезентации*. В этой связи учет гендерного критерия позволяет значительно глубже проникнуть

¹ Статья выполнена в рамках реализации проекта «Когнитивно-лингвистическое и психолингвистическое моделирование национального ментального пространства: Россия и Западная Европа» (регистрационный номер 2.1.3/6721) по Аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы» (мероприятие 2, раздел 2.1, подраздел 2.1.3).

в специфику картин мира мужчин и женщин, а также более детально проанализировать модели их вербального поведения.

Сам дискурс определяется как когнитивное явление, связанное с запросом, передачей, переработкой и оперированием знанием в определенных целях [Кубрякова, с. 10], и представляет собой *структурированное коммуникативное событие, разворачивающееся в процессе речемыслительной деятельности говорящего и слушающего под воздействием факторов индивидуального и социокультурного планов*. Речемыслительная деятельность коммуникантов предполагает «...передачу или обмен концептами в вербальной форме» [Болдырев, с. 24], а, следовательно, можно утверждать, что дискурс есть сфера вербализации концептов.

Одним из важнейших компонентов дискурса является его субъект – человек как носитель языкового сознания, частично репрезентируемого в дискурсе, как *языковая личность*. Под ЯЛ нами понимается *субъект, являющийся носителем языкового сознания, которое вербализуется в процессе речевой деятельности через систему поступков этого субъекта – речевое поведение, обусловленное комплексом факторов социального и личностного планов*.

Языковое сознание человека является важнейшим, но в то же время наиболее абстрактным компонентом структуры языковой личности. Оно представляет собой динамически функционирующее ментальное пространство индивида, обуславливающее особенности его речевого поведения и находящееся в состоянии развития и оперативной подвижности, оно постоянно обновляется и репрезентируется в процессе речевой деятельности [Милевская, с. 167–168]. Языковое сознание личности есть также совокупность *концептов* и смежных им структур знания (фреймов, когнитивных категорий и т.д.). Любой концепт, являясь «единицей мыслительной деятельности языковой личности» [Попова, Стернин, 2007, с. 7], имеет многокомпонентную и многоуровневую организацию, которая может быть выявлена посредством анализа языковых средств репрезентации этого концепта. Очевидно, что исследование семантики языковых единиц, объективирующих концепт, является единственным средством доступа к содержанию ментального пространства индивида, а точнее его вербализованной части. Некоторые концепты или отдельные их области не имеют языкового выражения, т.е. остаются невербализованными, что свидетельствует о том, что языковая картина мира является лишь частью общей картины мира носителя языка, которая намного богаче и сложнее. Наличие или отсутствие вербализации концепта или его области никак не влияет на факт его существования в сознании в виде ментальной единицы. Другими словами, языковые средства необходимы не для существования, а для *передачи содержания концепта* [Попова, Стернин, 2001, с. 60].

Концепты, как известно, не могут существовать изолированно друг от друга, они функционируют только в системе. Совокупность кон-

цептов языкового сознания индивида образует его *концептуальную систему* или *концептосферу*. Концептуальная сфера представляет собой структурированное образование, характеризующееся взаимовлиянием и взаимопроникновением его компонентов. Этот факт определяется тем, что ментальные репрезентации реального мира, ментальные модели, составляющие структуру языкового сознания индивида, дискретны и упорядочены вследствие существования между ними связей и отношений *взаимоопределения* и *взаимоактивации*. В этой связи представляется совершенно обоснованной попытка моделирования концептуальной системы языковой личности.

Содержание концептосферы языковой личности как говорящего, так и слушающего обуславливает процесс протекания их совместной дискурсивной деятельности, развертывание которой осуществляется следующим образом. На первом этапе формирования высказывания происходит активизация определенной области концепта ментального пространства говорящего, затем следует соотнесение данной области с определенным языковым знаком. Выбор в пользу одного из потенциально возможных знаков, могущих служить для репрезентации этого же концепта, осуществляется говорящим под воздействием различных групп факторов: общекультурные знания, социальная ситуация высказывания (в том числе и гендерная принадлежность коммуникантов), коммуникативная ситуация высказывания, индивидуальные особенности говорящего и слушающего. Считанная с выбранной области концепта информация подвергается анализу посредством соответствующего *фрейма* и *фрагмента тезауруса* [Алимуратов, с. 254]. Фрейм является обобщенной, хранящейся в памяти человека структурой представления стереотипных динамических знаний: ситуаций, фрагментов мира [ван Дейк; Макаров, и др.] и выступает в качестве структурирующего анализатора избранной области концепта. В дальнейшем проанализированная и упорядоченная информация поступает в структуру *тезауруса*, рассматриваемого в самом общем смысле как тематическая системность лексики в языковом сознании носителей языка, где и происходит непосредственно вербализация концептуальной области соответствующими языковыми единицами [Алимуратов, с. 250–255]. Выбранное языковое выражение включается в речевой поток говорящего в дискурсивном процессе.

В концептуальной системе получателя информации происходит интерпретация языкового выражения по пути, обратному тому, который был описан выше. Первый этап интерпретации предполагает считывание семантической информации, которую несет в себе языковой знак. Считанная информация подвергается дальнейшей ментальной обработке сначала посредством тезауруса, а затем фрейма и, в конечном итоге, достигает, активирует определенный концепт или его область (ту самую, которая была репрезентирована в речи говорящего). Таким образом, результатом интерпретации языкового выражения говорящего слушающим является активизация определенного концепта (или

его области) [Алимуратов, с. 257–259]. В этом случае можно охарактеризовать коммуникативный акт как успешный, т.е. состоявшийся: и говорящий и слушающий достигли поставленной коммуникативной цели (говорящий понят, так как слушающий адекватно интерпретировал то, что было сказано).

Представляется, что такое понимание дискурсивной деятельности согласуется с трактовкой дискурса как *коммуникативно-когнитивного события* и позволяет нам говорить о дискурсивной деятельности как *речемыслительной деятельности коммуникантов, связанной с познанием и презентацией мира говорящим и с осмыслением, реконструкцией языковой картины мира отправителя речи слушающим*. Тем самым, дискурсивная деятельность как объект исследования – это процесс передачи и восприятия различной информации с помощью лингвистических (и экстралингвистических средств) в коммуникативной ситуации. Предметом этой деятельности является мысль, продуктом – высказывание, а целенаправленным средством реализации – речевой акт [Милевская, с. 13; Brown, Yule]. Так как протекание дискурсивной деятельности в значительной степени обусловлено особенностями концептосферы ее субъектов, уместно подробное рассмотрение тех характеристик языковой личности, которые и определяют эти особенности.

Одной из таких характеристик, на наш взгляд, является гендерная принадлежность ЯЛ. Гендерная принадлежность как неотъемлемая характеристика любого субъекта дискурсивной деятельности отражается на процессах формирования, вербализации и интерпретации концептов, а значит и на процессе протекания их совместной дискурсивной деятельности. По утверждению С. Г. Воркачева, «когнитивные структуры, стоящие за языковыми единицами, гендерно маркированы и не идентичны друг другу в мужском и женском сознании» [Воркачев, с. 106]. Существующие различия в когнитивной сфере индивидов противоположного пола позволяют сделать вывод о существовании *гендерной вариативности языковой реализации концептов*. Полагаем, что гендерный фактор, оказывая воздействие на процессы обработки и структурирования информации в языковом сознании индивидов, влияет и на их вербальное поведение.

В самом общем смысле гендер – это категория, описывающая совокупность норм поведения, в том числе и речевого, ассоциируемого с лицами мужского и женского пола в данном обществе [Gender Research Methodologies; Зыкова]. Гендерный аспект языковой личности следует трактовать, на наш взгляд, как комплексную характеристику, включающую как индивидуально-биологические, так и коллективно-социальные факторы. Удельный вес данных факторов различен, но многочисленные исследования доказывают, что социальные предписания превалируют над фактором биологического пола и в большей степени определяют особенности коммуникативного поведения представителей разных полов [Кирилина; Горошко; Токарева; и др.].

Совокупность представлений о нормах речевого поведения коммуникантов противоположных полов в определенном лингвокультурном сообществе фиксируется в виде гендерных стереотипов, которые и определяют особенности речевого поведения и, соответственно, специфику языковой личности коммуниканта-мужчины и коммуниканта-женщины. Гендерные стереотипы рассматриваются как «частный случай стереотипа, относящийся к знаниям о лицах разного пола, приписывании им определенных признаков», они фиксируются в языке представления о мужественности и женственности и связанных с ними моделях поведения индивидов [Galasiński; Кирилина]. Вместе с тем различия в коммуникативном поведении ЯЛ не всегда детерминируются ее гендерной принадлежностью. Под влиянием факторов различного порядка (социальный статус, уровень образования, возраст, профессия, этническая принадлежность, индивидуальные особенности говорящих) может происходить перераспределение традиционно мужских и женских речевых стратегий и тактик. Несмотря на это, учет данного критерия при исследовании специфики вербализации гендерно-маркированных концептов является оправданным, так как он позволяет получить более полное и более объективное описание структурно-содержательного наполнения концепта и выявить гендерно-детерминированные различия его языковой репрезентации.

В коммуникативной сфере у женщин наблюдается ориентация на межличностное, у мужчин – на групповое общение; для женщины свойственно «гиперкорректное» речевое поведение, а у мужчин наблюдается отклонение от установленных норм речевого общения, намеренное огрубление речи [Кирилина]. Характерной чертой дискурсивных репрезентаций женской языковой личности является *положительная оценочность*; мужчины же, напротив, имеют тенденцию к сдерживанию положительных эмоций и выражению отрицательных, что обуславливает частое использование экспрессивно-сниженных средств [Дробышева, с. 94; см. также Galasiński]. По мнению И.Е. Токаревой, женская речь также более *имплицитна*, по сравнению с мужской, в ней изобилует множество вариантов, намеков [Токарева, с. 28].

Мы разделяем точку зрения А.А. Гвоздевой, согласно которой гендерная специфика речевого поведения языковой личности является проявлением дифференциальных признаков когнитивной сферы коммуникантов противоположных полов [Гвоздева]. Очевидно, что вопросы, связанные с гендерной проблематикой, необходимо рассматривать под углом ментального контекста, так как именно *содержание когнитивной сферы языковой личности выступает в качестве определяющего фактора, который обуславливает различия в коммуникативном поведении индивидов*.

Однако необходимо подчеркнуть, что формирование когнитивных гендерных структур невозможно анализировать в отрыве от социолингвистического обоснования концептуальных представлений о мире, находящихся впоследствии объективацию в дискурсивной дея-

тельности языковой личности. В процессе социализации у индивида формируется определенное видение действительности, фиксируемое языком, – *языковая картина мира*. В языковой картине мира неизбежно присутствуют гендерные доминанты сознания, которые оказывают значительное влияние на способ восприятия действительности. В этой связи изучение вопроса формирования и вербализации языковой картины мира в гендерной парадигме приобретает особую актуальность. В процессе усвоения обусловленных обществом полоролевых установок в сознании личности происходит формирование определенных концептуальных структур [Евсеева, с. 104]. Уместно предположить, что структура и содержательное наполнение гендерно-маркированных концептов в сознании мужчин отличается от структуры и содержательного наполнения соответствующих концептов в сознании женщин, что закономерно обуславливает различия в стратегиях и тактиках их речевого поведения. Мы полагаем, что рассматриваемый нами концепт BEAUTY относится именно к гендерно-маркированным концептам. Другими словами, *этот концепт обладает различной ценностно-информационной наполняемостью в зависимости от того, о каком именно поле идет речь, с одной стороны, и представитель какого пола осуществляет оценку красоты, с другой*. Различия в структурном и содержательном наполнении концепта BEAUTY в языковом сознании мужчин и женщин проявляются в стратегиях и тактиках комплиментарного речевого поведения представителей обоих полов. В связи с этим вполне обоснованной является попытка ограничения моделей концепта BEAUTY, вербализуемых коммуникантами-мужчинами от соответствующих концептуальных моделей, вербализуемых коммуникантами-женщинами. Рассматриваемый концепт является не только гендерно, но и социально маркированным, т.е. превалирующим в сознании социума [Кузнецов, с. 38], а значит – имеющим большую социальную значимость, и именно поэтому вербализация данного концепта дает возможность делать выводы относительно структуры и закономерностей функционирования концептосферы коммуникантов противоположных полов.

Когнитивное моделирование является основным способом репрезентации содержательной структуры концепта BEAUTY в языковом сознании женщин и мужчин. Гендерно-детерминированные модели данного концепта фиксируют его доминантные области и характеристики, которые выявляются посредством когнитивной интерпретации при анализе выборки фрагментов художественных произведений, репрезентирующих концепта BEAUTY в женском и мужском дискурсе. Комплексный подход к моделированию рассматриваемого концепта позволяет получить более полное представление о внутренней организации смыслового и формального уровней концепта BEAUTY.

Формальный уровень демонстрируется системной (*областной*) моделью, представленной совокупностью фреймовых структур – областей. Области концепта BEAUTY находятся в иерархической за-

висимости друг от друга, в связи с чем логично говорить о наличии в структуре рассматриваемого концепта макро- и микро-областей, частотность и специфика языковой репрезентации которых гендерно детерминирована.

Итак, концепт BEAUTY представляет собой структурированное и динамически функционирующее ментальное образование, состоящие из четырех взаимосвязанных макро-областей *Physical beauty*, *Spiritual beauty*, *Natural beauty*, *Artificial beauty*, которые, в свою очередь, распадаются на микро-области, содержащие информацию о релевантных характеристиках предмета оценки (см. приведенную ниже схему – рис. 1.). Динамика рассматриваемого концепта, как, впрочем, и большинства других, сводима к трем основополагающим процессам: формирование, вербальная актуализация в дискурсе и интерпретация реципиентом дискурсивного сообщения.

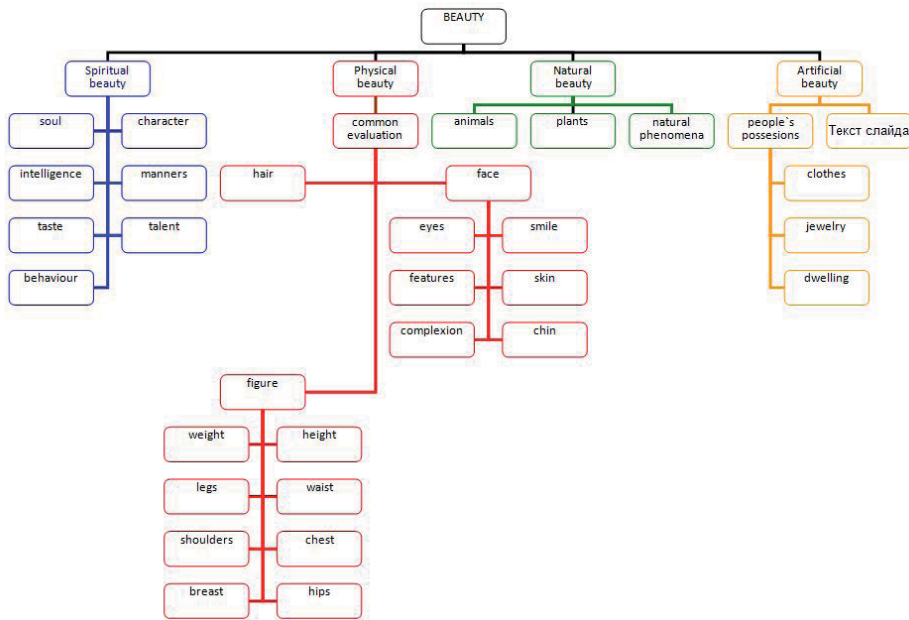

Рис. 1

Анализ показывает, что, с точки зрения гендерного аспекта репрезентации концепта BEAUTY, наибольший интерес представляет оппозиция *Physical beauty* – *Spiritual beauty*, активизирующая те области концепта, которые соотносятся с индивидом (носителем языкового сознания) как представителем определенного пола.

Как в женском, так и мужском дискурсе обширнее всех представлена подгруппа оценки внешнего вида человека, она составляет 70,7% от всего корпуса дискурсивных фрагментов, вербализующих концепт BEAUTY в речи мужчин, и 60% в речи женщин. Общая положитель-

ная оценка внешнего облика наиболее частотно вербализуется при помощи таких лексем, как *beautiful, pretty, handsome, nice-looking, good-looking, lovely, attractive, appealing, perfect, amazing, gorgeous, magnificent, ravishing, eye-catching, stunning, dashing great, nice, lovely, well* и др.:

(1) *I guess I was jealous of her. She's **beautiful** and mother is so proud of her* (Gaeddert 1989, p. 122);

(2) *She smiled and Ashurst said: «**You are a pretty thing!**»* (Galsworthy 2005, p. 67).

К основным синтаксическим конструкциям, выражающим оценочное речевое поведение как мужчин, так и женщин в английской лингвокультуре, относятся три формульные структуры *you + be + adjective (noun)*, *you + look + adjective (noun)*, *you + look + adverb*. Однако следует отметить, что для мужского дискурса при описании внешности человека характерно более частое по сравнению с женщинами использование конструкций типа *you + look + adverb*. Среди наречий, используемых мужчинами, наиболее частотными являются: *great, nice, lovely, well*. Использование данных наречий в конструкции *S + look + adv*, указывает на свойственную мужчинам *точность, простоту* и *эксплицитность* оценочной номинации.

Необходимо также отметить, что мужская оценка внешней привлекательности, как правило, адресована представительнице противоположного пола, что не является закономерным для женского дискурса. Комплиментарная оценка, вербализуемая женщинами, может относиться как к внешности мужчины, так и к внешности женщины.

Анализ выборки позволяет выделить отдельные микро-области концепта BEAUTY, представленные информацией об определенной части тела, подлежащей оценке. К таковым мы относим: *face, eyes, hair, smile, features, skin, complexion, legs, weight, height, waist, breast, hips, chest, shoulders*. Данные микро-области объективируются как в женском, так и в мужском дискурсе.

Такие области, как *waist, breast, hips, legs, shoulders, chest* являются гендерно маркированными, так как степень их активизации зависит от того, *кто* является объектом оценки – мужчина или женщина:

(3) *You've got **exquisite legs, so long and shapely** and I never ceased to be surprised at them* (Parson 2006, p. 54);

(4) *He looked more like a builder's labourer...He was certainly built like one, with **broad shoulders, sinewy sunburnt arms and narrow hips*** (Walker 2007, p. 90).

Очевидно, что в первом из приведенных примеров содержится вербальная оценка внешности женщины, а во втором – мужчины.

В ходе исследования специфики вербализаторов макро-области **Physical beauty** нами была отмечена следующая тенденция. При активизации микро-областей, представленных информацией об определенной части тела, подлежащей оценке, вербализаторами концепта BEAUTY могут становиться лексические единицы, не имеющие в своей семантике компонента «*attractiveness*». Так, например, прилагатель-

ные *long, blond, broad, white* и другие не несут в себе оценочного значения. Однако они могут приобрести оценочность в определенных сочетаниях – *long legs, blonde hair, white smile, broad shoulders*, так как длинные ноги, светлые волосы и ослепительно белая улыбка соответствуют существующим в англоязычном обществе канонам красоты. Таким образом, можно констатировать тот факт, что *степень оценочности лексической единицы определяется контекстом, ее сочетаемостью с другими лексическими единицами.*

Необходимо, однако, отметить тот факт, что при вербализации концепта BEAUTY очень часто активируется 2 и более концептуальные микро-области, т.е. дается комплексное описание внешности человека, что подтверждает тот факт, что концептуальные области тесно взаимосвязаны между собой:

(5) «*Oh, come on!*» *Pheely reacted a bit snappishly, already working her way through a second wine bottle. «Look at you – blonde, blue-eyed, tanned, a figure to die for. Most women must hate you. You could steal half the husbands in the village if you want to»* (Walker 2007, p. 398).

Проведенный анализ позволяет утверждать, что чаще всего предметом оценки как женщин, так и мужчин становятся *глаза, волосы и фигура* адресата. Однако частотность вербализации данных микро-областей у мужчин и женщин различна. Кроме того, количество примеров, демонстрирующих общую положительную оценку внешности в мужском дискурсе (46,7%), *значительно превышает* количество таких примеров в высказываниях женщин (24,5%). Можно сделать вывод, что мужчины чаще *воспринимают образ целиком*, не акцентируя внимание на привлекательности отдельных его компонентов, в то время как для женщин *важны мелочи*, они склонны в большей степени к описанию красоты отдельных составляющих, а не целостного образа. Отмеченную нами тенденцию наглядно демонстрирует следующие диаграммы (рис. 2)

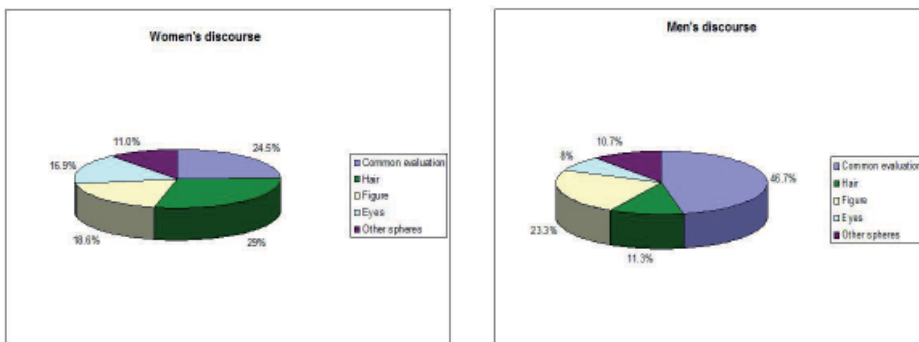

Рис. 2

Для более полного описания концепта BEAUTY в англоязычном сознании необходимо охарактеризовать не только его структуру, но и смысловое наполнение. Смысловой уровень концепта BEAUTY пред-

ставлен *признаковой* и *метафоро-метонимической* моделями. Данные модели построены на основе выделения существенных характеристик рассматриваемого концепта (признаков и метафоро-метонимических ассоциаций, лежащих в основе его вербализации).

Метафоро-метонимическая модель представляет собой совокупность обобщенных метафоро-метонимических переносов, служащих средством конкретизации содержания рассматриваемого нами концепта посредством либо других концептов (метафорический перенос), либо отдельных областей того же (исходного) концепта (метонимический перенос). Следует отметить, что метафоро-метонимическая вербализация концепта BEAUTY составляет 72,3% от общего корпуса примеров, репрезентирующих данную сущность.

Как показывает проведенный анализ, основные случаи метафоро-метонимического переноса, вербализующие рассматриваемый концепт, идентичны для женского и мужского англоязычного дискурса. Это позволяет говорить об универсальном характере моделей такого переноса. Однако, *частотность их репрезентаций* в высказываниях мужчин и женщин различна, и это значимо для гендерной типологизации закономерностей дискурсивной реализации концептов.

К основным метафорическим проекциям, лежащим в основе вербализации концепта BEAUTY коммуникантами противоположных полов, относятся *КРАСОТА→СВЕТ*, *КРАСОТА→СИЛА*, *КРАСОТА→ЧАРЫ*, *КРАСОТА→ЦВЕТОК*, *КРАСОТА→КАРТИНА*, *КРАСОТА→СТРАХ*, *КРАСОТА→ЛОВУШКА*.

На первом месте по частотности объективации как в женском, так и в мужском дискурсе находится метафорическая проекция *КРАСОТА→СВЕТ*. Данная проекция репрезентируется в 34% общего корпуса примеров метафорической вербализации BEAUTY *женщинами* и в 39,8% общего корпуса примеров метафорической вербализации BEAUTY *мужчинами*.

Так, для описания красоты глаз, улыбки, волос, предметов одежды и украшений, а также внешности в целом коммуниканты-женщины, также как и коммуниканты-мужчины, используют лексемы, содержащие компонент значения «*giving light*» – *to gleam, to switch on, silver, shining, sparkling, dazzling, brilliant, bright, jewel-like* и др:

(6) *She was in point of fact a stupid woman who had acquired a line of glib chatter which made people on first meeting her think she was as brilliant as she looked* (Maugham 2004, p. 107);

(7) *There was something impenetrable about him, like his eyes, which were as bright as agate* (Lawrence 1977, p. 150).

Вербализация концепта BEAUTY в современном английском языке является также наглядным примером действия метонимической макро-модели «*от части к целому*». Данная модель реализуется в том случае, когда части субъекта или явления дается характеристика, позволяющая отнести его к *категории красивых*. В основе метонимического переноса, на наш взгляд, лежит *салиентность* отдельных

частей воспринимаемого объекта в их ментальном представлении. Таким образом, процесс метонимизации концепта BEAUTY обусловлен выдвиганием определенных составляющих красоты в центр нашего внимания, в результате чего последние вербализуются чаще в дискурсивной практике. Для каждой из областей концепта выделены более частные метонимические подмодели. Так, например, для области *Physical beauty* релевантны три основные модели: hair→BEAUTY; figure→BEAUTY; eyes→BEAUTY, для области *Natural beauty* – plants→BEAUTY; animals→BEAUTY; natural phenomena→BEAUTY и т.д.

На вербальном уровне метонимическая репрезентация BEAUTY характеризуется целым рядом закономерностей, основной из которых является следующая: при метонимической вербализации рассматриваемого концепта основная оценочная информация передается посредством препозитивных определений, описывающих отдельные компоненты внешности объекта оценки. При этом каждое препозитивное определение характеризуется наличием положительной коннотативной семы в структуре значения. Следовательно, основной структурной метонимической моделью вербализации концепта BEAUTY является модель A.+ N.:

(8) *She had magnificent blond hair, in profusion* (Welty 2006, p. 45);

(9) *Her fine black eyes were never still and this was the most noticeable thing about her* (Galsworthy 2005, p. 59);

(10) *He was staring at Ellen's long, tanned legs in the same awe-inspired way* (Walker 2007, p. 22).

Метонимическая вербализация концепта BEAUTY в мужском дискурсе характеризуется следующей общей особенностью: в речи мужчин чаще, чем в речи женщин оценочная информация передается синтаксически, посредством использования эмфатических конструкций и восклицательных предложений:

(11) *Your hair looks too, too wonderful!* (Shaw 2006, p. 12).

Итак, можно утверждать, что метафорическая модель концепта BEAUTY характеризуется большим разнообразием, нежели чем метонимическая, представленная лишь одной макро-моделью – «от части к целому».

Способы реализации комплиментарного речевого акта мужчины и женщины различны. Анализ речевого материала позволяет сделать следующие выводы:

1. В мужской речи отмечается стремление к *точности, простоте и эксплицитности* оценочной номинации:

(12) *She smiled and Ashurst said: «You are a pretty thing!»* (Galsworthy 2005: 67);

(13) *You are simply wonderful!* (Galsworthy 2005: 58).

В приведенных примерах употребление прилагательных «pretty», и «wonderful» убедительно иллюстрируют описанную выше тенденцию, просматривающуюся в мужской стратегии комплиментарности,

поскольку сема «attractive» просматривается в семантике данных прилагательных эксплицитно. Помимо этого, весьма показательны структурные и семантические средства интенсификации семантики указанных оценочных прилагательных.

Коммуникативное поведение женщин в ситуации комплимента, напротив, характеризуется *имплицитностью*, намеками, особенно в тех случаях, когда адресатом является мужчина. Коммуникативная тактика женщины-адресанта более «тонкая» и продуманна по сравнению с коммуникативной тактикой адресантов мужчин. Так, в комплиментарных речевых актах женщины предпочитают более сложные речевые обороты, в которых похвала относится к адресату опосредованно:

(14) *I think **you're much better man than I am a woman**, my sweet* (Maugham 2004, p. 139) (вместо: «*I think you are a good man, my sweet*»).

Как свидетельствует пример, весьма популярными средствами вербализации комплиментарного поведения для женщин является употребление форм степеней сравнения прилагательных, а также прилагательных/наречий, оценочная сема в значении которых просматривается на 2-3 шагах анализа. Таким образом, имплицитность комплимента в женском дискурсе может реализовываться не только лексически, но и грамматически.

2. Для выражения положительного оценочного компонента высказывания мужчины прибегают к использованию различного рода синтаксических структур, ясно эксплицирующих коммуникативную цель: восклицательные предложения, эмфатические конструкции и т.д., в то время как лексическая составляющая компонента не отличается изысканностью и многообразием:

(15) ***You are a terribly attractive woman*** (Maugham 2004, p. 113);

(16) ***My word, Laura! You do look stunning*** (Mansfield 2006, p. 34).

Оценочные высказывания женщины, представленные в нашей выборке, напротив, характеризуются высокой концентрацией образно-метафорических средств (метафора, сравнение, гипербола и т.д.) и эмоционально-оценочной лексики:

(17) *He was... a tight little fellow: short, dark, with a warm colour and **that upright set of the head and chest which recalls a mating bird*** (Lawrence 1977, p. 26).

3. Мужчинам свойственна однозначность оценочного высказывания, четко определенная мера интенсивности приписываемого признака. На вербальном уровне данная закономерность проявляется в использовании интенсификаторов и степеней сравнения:

(18) *She was **the most beautiful thing** he had ever seen* (Maugham 2004, p. 41).

Женщины, напротив, предпочитают использование стертых градаций признака:

(19) *Ashurst smiled and when he smiled his face was **rather beautiful*** (Galsworthy 2005, p. 59).

Вербально об этом свидетельствует, прежде всего, употребление наречий с неопределенной семантикой (*rather, almost*).

4. Женщины, положительно оценивая внешность, нередко соотносят ее с наличием/отсутствием в субъекте оценки других достоинств.

5. Мужчина в ситуации комплимента часто выглядит категорично и прямолинейно, может использовать более грубый, стилистически сниженный лексикон.

6. Определенные тенденции были отмечены в особенностях реакции коммуникантов на комплимент. Так, чаще всего женщина реагирует на похвалу как на лесть, что иногда сопровождается вербализацией эмоций смущения, стеснения:

(20) *You really embarrass me when you give me a meed of praise which is not my due* (Maugham 2004, p. 136).

По нашему мнению, можно предположить, что данный факт связан с присущей женщине неуверенностью в своей позиции в обществе или же с кокетством.

Итак, рассмотрение гендерной специфики моделей и способов вербализации концепта BEAUTY является эффективным средством исчисления гендерно-детерминированных различий в комплиментарном речевом поведении мужчин и женщин, а также инвентаризации используемых ими речевых стратегий и тактик в рамках оценочной коммуникации. Мужской стиль оценочной номинации характеризуется простотой, эксплицитностью, точностью, прямолинейностью и фамильярностью, в то время как женский стиль данного типа коммуникации предполагает имплицитность, косвенность, метафоричность и неопределенность. Данные особенности определяют тот факт, что мужчины предпочитают тактику прямого воздействия (прямой комплимент), а женщины – переносного или опосредованного воздействия (косвенный комплимент):

(21) *Oh, you are sweet – like the loveliest little sister...I just wish I had your looks* (Walker 2007, p. 398).

Кроме того, для женщин важно, чтобы адресат осознал, что говорящий выносит положительное суждение в его адрес:

(22) *Two propositions on your first weekend...Still, you are terribly pretty. I'd expect nothing less from the red-bloods around here»* (Walker 2007, p. 136),

в то время, как для мужчины первостепенное значение имеет выражение собственных эмоций.

Женское комплиментарное речевое действие чаще по сравнению с мужским направлено на кооперацию с речевым партнером: зачастую комплимент служит фатическим речевым актом, при этом можно вести речь о характерной для женского дискурса *фатической тактике* речевого поведения. В определенной коммуникативной ситуации концепт BEAUTY может быть вербализован говорящим по отношению к адресату с целью получения собственной выгоды, и используемые при этом стратегии и тактики определяются в этом случае как ма-

нипулятивные. Гендерная обусловленность использования данных стратегий и тактик нами не выявлена, так как релевантным в данном случае является *характер взаимоотношений речевых партнеров*, независимо от того, представителями какого пола они являются.

Литература

Алимуратов О.А. Смысл. Концепт. Интенциональность: монография. Пятигорск, 2003. 305 с.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2000. 234 с.

Воркачев С.Г. Вариативные и ассоциативные свойства телеономных лингвоконцептов: монография. Волгоград, 2005. 214 с.

Гвоздева А.А. Языковая картина мира: лингвокультурологические и гендерные особенности: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2004. 25 с.

Горошко Е.И. Проблемы изучения мужского и женского стиля речи // Формирование коммуникативных и интеллектуальных навыков школьников и студентов. Днепропетровск, 1994. С. 160–169.

Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация / сост. В.В. Петров. М., 1989. 312 с.

Дробышева О.В. Гендерные особенности письменной речи // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. материалов IV Междунар. науч. конф. Т. 1. Челябинск, 2008. С. 92–95.

Евсеева Л.В. Лингвофилософский подход к анализу понятия «гендер» // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. материалов IV Междунар. науч. конф. Т. 1. Челябинск, 2008. С. 100–105.

Зыкова И.В. Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2002. 219 с.

Кирилина А.В. Гендер и язык / Моск. гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. М., 2005. 624 с.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.

Кузнецов В.Г. Социально значимые концепты в синхронии и диахронии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. №4. С. 38–45.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003. 280 с.

Милевская Т.В. Грамматика дискурса. Ростов н/Д., 2003. 311 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 191 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов. М., 2007. С. 7–9.

Токарева И.Е. Лексико-стилистическая вариативность языка: социальный и гендерный аспекты (на материале произведений Джона Фаулза): дис. ...

канд. филол. наук: 10.02.19. Ростов н/Д., 2006. 184 с. *Brown G., Yule G.* Discourse Analysis. Cambridge, 2008. 288 p.

Galasiński D. Men and the Language of Emotions. N.Y., 2004. 172 p.

Gender and Language Research Methodologies / Ed. by Harrington K., Litoseliti L., Sauntson H., Sunderland J. N. Y., Palgrave Macmillan, 2008. 332 p.

Анализируемые тексты

Голсуорси Дж. Спасение Форсайта и другие рассказы (на английском языке). М., 2005. 192 с.

Коробчак В.Н., Шевченко Г.В. Everybody to his opinion (на английском языке): учеб. пособие по чтению на английском языке для студентов V курса факультета иностранных языков. Армавир, 2006. 112 с.

Лоуренс Д.Г. Рассказы (на английском языке). М., 1977. 293 с. Медовый месяц и другие рассказы английских писателей. М., 2006. 288 с.

Мозм У.С. Разрисованный занавес (на английском языке) М., 2004. 272 с.

Gaeddert L. Perfect Strangers. London, 1989. 173 p.

Walker F. Lots of Love London, 2007. 660 p.